

Вся эта суматоха затянулась за полночь.

Неизвестно, какими уговорами Шэн Миньян и Цзян Оу его удержали, но в итоге Цзян Тянь остался. Шэн Ван, прижавшись ухом к двери своей спальни, так толком ничего и не расслышал, но, сопоставив с тем, что видел ранее, пришел к выводу: скорее всего, Цзян Оу снова давила на жалость. Стоило ей соорудить это осторожное и слегка умоляющее лицо, как Цзян Тянь уже не мог сказать ничего слишком резкого.

Вскоре наверх поднялись разрозненные шаги. Шэн Ван, все так же стоя у двери, услышал голос отца:

— Сяо Тянь, ты будешь жить в этой комнате.

Напротив комнаты Шэн Вана находились отдельный санузел и кабинет. А «эта комната», о которой говорил отец, была прямо по соседству с его собственной. Дом был не новым, но после капитального ремонта звукоизоляция здесь была вполне приличной. И все же, когда комнаты разделяет лишь одна стена, какие-то звуки неизбежно проникают сквозь нее.

Шэн Ван почувствовал себя так, словно кто-то вторгся на его личную территорию. Раздражение смешалось в нем с легким, почти неуловимым чувством неловкости.

Телефон в кармане дважды завибрировал. Шэн Ван вяло опустил взгляд и провел пальцем по экрану — Краб продолжал вести прямую трансляцию о ходе решения задачи теми двумя старшекурсниками.

Анисовый Краб: «Отличные новости! Они наконец-то решили первый вопрос! Я прямо сквозь стену чувствовал их эйфорию. А потом к ним в комнату заглянул дежурный учитель и сделал выговор».

Анисовый Краб: «Эй, ты еще не спишь?».

Анисовый Краб: «??».

Шэн Ван поднес телефон к губам и надиктовал:

— Рано еще, не сплю.

Анисовый Краб: «Половина первого, брат. А ты как? Как успехи с решением?».

В банке: «Не до того было».

Анисовый Краб: «А? Чем же ты тогда полдня занимался?».

В банке: «Наблюдал семейную драму».

Краб, будучи его бывшим соседом по комнате и хорошим другом, в общих чертах знал о ситуации в его семье. Безостановочно вибрировавший телефон вдруг затих на добрую минуту. Спустя какое-то время Краб осторожно спросил: «Что стряслось?».

Шэн Ван нажал кнопку записи голосового сообщения, но через пару секунд передумал, отпустил ее и решил написать текст.

Краб, получив пустое голосовое, в ответ прислал целую вереницу вопросительных знаков.

Шэн Ван не обратил на них внимания. Прислонившись к двери, он уткнулся в экран и стал набирать сообщение на клавиатуре T9: «Моя будущая мачеха переехала к нам вместе со своим сыном. Этот парень поселился прямо в соседней комнате, и я...».

«Я что?». Жаловаться кому-то на такие вещи было глупо, да и отдавало какой-то жеманностью. Точнее, это просто не вязалось с его крутым имиджем. Подумав об этом, Шэн Ван стер весь набранный текст и отправил голосовое:

— Да так, ничего особенного. Просто один типчик временно поселился по соседству, и из вежливости мне придется называть его братом.

Формулировка была туманной, и Краб, решив, что речь идет о каком-то надоедливом дальнем родственнике, сразу успокоился.

Анисовый Краб: «Ну и как, назвал?».

В банке: «Еще чего. Я никогда не отличался вежливостью».

Анисовый Краб: «Ха-ха-ха, ну тогда вышвырни его».

В банке: «Очень хочется. У тебя там вроде собака была, одолжи мне как-нибудь. Я ее в ту комнату запущу, пусть все углы обоссат. Посмотрим, как он после этого там жить будет».

Анисовый Краб: «Твою мать, не описывай это так ярко, я прямо почувствовал этот запах».

Шэн Ван усмехнулся. Но, насладившись словесной перепалкой, он вдруг вспомнил, как Цзян Тянь одиноко стоял за забором. Свет фонаря отбрасывал от него длинную тень — такую гордую и в то же время... одинокую.

Юный господин раздраженно цокнул языком и добавил:

— Да ладно, бесит это все. Лишь бы он со мной не заговаривал и не мешал заниматься, а так — с глаз долой, из сердца вон. Пойду дальше задачи грызть.

Анисовый Краб: «Эй? Погоди».

Анисовый Краб: «Кстати, о задачах. Раз уж тебя заставляют называть его братом, значит, этот типчик из соседней комнаты старше тебя?».

Анисовый Краб: «Как минимум второкурсник? Может, подкинешь ему ту последнюю задачу? Решит — отлично, а не решит — хоть поглумишься над ним».

Ход мыслей у Краба был, конечно, тот еще. Шэн Ван опешил, но тут же без колебаний ответил: «Ты сейчас надо мной глумишься?».

В банке: «Я пошел спать!».

Последняя фраза прозвучала довольно грозно. Анисовый Краб, видимо, струхнул, и в чате воцарилась тишина.

Шэн Миньян, устроив Цзян Тяня, поколебался мгновение, подошел к двери Шэн Вана и негромко позвал:

— Сынок?

Он говорил тихо и даже не постучал, словно боясь кого-то разбудить.

Шэн Ван стоял прямо за дверью; отца и сына разделяла лишь тонкая деревянная преграда. Он отчетливо слышал каждое слово, но не отозвался.

— Сынок? — снова позвал Шэн Миньян.

Шэн Ван по-прежнему молчал.

Спустя некоторое время он услышал, как Шэн Миньян вполголоса сказал Цзян Оу:

— Уже больше часа прошло, наверное, уснул.

— Правда уснул? — с сомнением переспросила Цзян Оу.

— Скорее всего, — Шэн Миньян, вероятно, взглянул на настенные часы и пробормотал. — Скоро уже час ночи, пойдем вниз.

Нарочито тихие шаги постепенно отдалялись от комнаты и стихли на лестнице.

Шэн Ван едва расслышал, как отец сказал:

— Завтра у меня ранний рейс, присмотри тут за всем.

Лишь когда внизу стало абсолютно тихо, Шэн Ван вернулся к столу. Сдвинув учебники в сторону, он сел прямо на столешницу, уперся ногами в край стула и разложил листок с заданием на согнутых коленях. Так он просидел десять минут, уставившись в задачу, но в голове была сплошная каша, и ни одной стоящей мысли не появилось.

Он поднял голову и слегка откинулся назад.

С этого ракурса в окно была видна часть соседней комнаты. Свет настольной лампы пробивался сквозь шторы и отражался на стекле. Судя по всему, Цзян Тянь тоже корпел над домашкой.

«Интересно, он уже доделал физику?...».

«Должно быть, доделал. Еще на вечерней самоподготовке было видно, как он щелкает эти тесты. Если бы он возился так долго, грош цена была бы такому отличнику».

«А что, если он тоже не знает, как решить последнюю задачу?».

«Но у него же максимальный балл».

Казалось, в голове Шэн Вана поселился Краб, который без умолку с ним спорил.

Контрольная работа или гордость — нужно было выбрать что-то одно.

Шэн Ван бешено крутил ручку в пальцах битых несколько минут, пока наконец не шлепнул ею по столу: «Я выбираю гордость».

Пять минут спустя юный господин, задвинув свою разрушенную гордость подальше, стоял перед дверью в соседнюю комнату. Он трижды заносил руку и в конце концов с явным нежеланием постучал.

— Кто? — раздался из-за двери холодный голос Цзян Тяня.

Даже «ютясь под чужой крышей», этот парень ничуть не робел. Его «кто?» прозвучало так уверенно, что Шэн Вану захотелось развернуться и уйти. Он дернул левой ногой, собираясь уйти, но передумал и, опершись о дверной косяк, тактически притворился глухим.

Не дождавшись ответа, Цзян Тянь, шаркая тапочками, подошел к двери. Раздался щелчок ручки, и дверь приоткрылась.

Очевидно, он никак не ожидал увидеть здесь Шэн Вана, и на мгновение опешил. Возможно, вспомнив, как его силком затащили в дом, он смотрел на Шэн Вана совсем недружелюбно. Выражение его лица было таким, словно у него болел зуб или еще что-то в этом роде.

— Что у тебя с лицом? — спросил Шэн Ван.

— Ближе к делу, — Цзян Тянь явно не был настроен на долгие беседы.

Шэн Ван приоткрыл рот, но затем просто протянул руку и сказал:

— Верни мне ручку.

Цзян Тянь пару секунд бесстрастно смотрел на него, а затем развернулся и ушел в комнату.

Оставшись перед пустой дверью, Шэн Ван отвернулся и легонько хлопнул себя по губам.

«Струсил, красавчик? Спрашиваю, струсил?!». Он мысленно вдоволь поиздевался над собой, а в ту самую секунду, когда Цзян Тянь вернулся к двери, вновь напустил на себя ленивый и расслабленный вид.

Цзян Тянь протянул ему ручку и спросил:

— Что-то еще?

— Нет, только это, — ответил Шэн Ван.

Цзян Тянь кивнул и, не говоря ни слова, закрыл дверь.

«...»

Шэн Ван несколько секунд смотрел на ручку, затем медленно показал закрытой двери средний палец и поплелся обратно в свою комнату — продолжать битву с физикой.

Будучи учеником, которому учеба всегда давалась легко, он, конечно, тоже ошибался в задачах, но такое чувство, когда вообще не знаешь, с какой стороны подступить, он испытывал впервые. У таких учеников есть одна особенность: они просто не могут уснуть, пока не заполнят весь лист логичными ответами.

Он перепробовал несколько подходов, но каждый раз, дойдя до середины, перечеркивал написанное. У тех, кто прорешал кучу тестов, развивается некая интуиция — даже если правильный ответ не приходит в голову, они сразу видят, какие варианты точно ошибочны.

Шэн Ван барахтался в водовороте ошибок, двадцать минут ломая голову, пока вконец не сдался и не отшвырнул ручку.

Всё это время его внимание было поглощено шариками, каплями воды и вязкостью, поэтому лишь встав из-за стола, он смутно уловил шум за дверью. Интересно, зачем Цзян Тянь вышел?

От затянувшейся зубрежки мозги закипели, решил прогуляться?

Шэн Ван поколебался с минуту, но всё же подошёл к двери и повернул ручку.

Как только дверь приоткрылась, на него пахнуло сыростью. От неожиданности Шэн Ван замер, а потом увидел Цзян Тяня, выходящего из ванной напротив. Он переоделся в просторную серую футболку с коротким рукавом, а черные, еще влажные волосы были зачесаны назад — сразу видно, только из душа.

В руках он держал полотенце и слегка тряс головой, чтобы вытряхнуть воду из ушей. Затем поднял взгляд на Шэн Вана и спросил:

— Опять что-то нужно?

Шэн Ван развернулся на пятках и направился напрямиком к лестнице:

— Иду вниз воды попить. А ты иди мойся.

Достав из холодильника бутылку ледяной воды и открутив крышку, он вдруг понял, что пить совсем не хочется. Пришлось несолоно хлебавши тащиться с ней наверх и прятаться в своей комнате.

Приложив холодную бутылку ко лбу, Шэн Ван какое-то время пролежал на столе, пока глаза не начали слипаться. Наконец, он смог убедить себя: им предстоит жить под одной крышей, и так продолжаться не может. Рано или поздно кому-то придется сделать первый шаг навстречу.

И эта задача по физике как раз могла стать отличным поводом.

Шэн Ван в третий раз поднялся на ноги. На этот раз он решительно прихватил с собой лист с заданием — была не была.

Он уже морально приготовился постучать в дверь соседа, как вдруг она распахнулась, и он увидел Цзян Тяня, небрежно привалившегося к стене. В левой руке он держал полотенце, вяло потирая волосы, а в правой — телефон, по экрану которого лениво скользил взглядом. Выражение его лица оставалось таким же бесстрастным, как и всегда.

— Чего ты торчишь у моей двери? — вздрогнул от неожиданности Шэн Ван.

— Жду, когда кролик сам в силки попадет, — ответил Цзян Тянь и, наконец, оторвал взгляд от экрана.

Шэн Ван: «...»

Если бы не его недовольный вид, Шэн Ван подумал бы, что он шутит.

Цзян Тянь сунул телефон в карман и спросил:

— Ты уже который раз туда-сюда бегаешь. Чего ты добиваешься?

Шэн Ван спрятал листок с заданием за спину. Помявшись с минуту и так ничего и не придумав, он в итоге выпалил: «А тебе-то какое дело?», после чего захлопнул дверь.

Мужская гордость важнее всего на свете.

Впервые Шэн Ван так отчетливо осознал смысл этой фразы. Он окончательно сдался и, изнемогая от досады, рухнул на кровать. Засыпая, он никак не мог выбросить из головы тот момент, когда закрывал дверь — кажется, Цзян Тянь скользнул взглядом по его пальцам, и было неясно, заметил ли он скомканный листок.

В 6:10 Шэн Вана разбудил душераздирающий звон будильника. Он с трудом сполз с кровати.

В его комнате была собственная ванная, поэтому отвоевывать ее у Цзян Тяня не пришлось, и на умывание и одевание ушло не так уж много времени. Спустившись вниз с рюкзаком, он с удивлением обнаружил, что, оказывается, проснулся позже всех...

Обычно по утрам в доме бродили только два живых существа — он сам и домработница.

Но сегодня, с появлением новых людей, он не сразу сориентировался, и спросонья на его лице было написано крупными буквами: «Ничего не понимаю». Только когда Цзян Оу вышла из кухни с тарелкой в руках, он пришел в себя.

К тому времени Цзян Тянь уже стоял в прихожей и завязывал шнурки. Видимо, он встал ни свет ни заря, только чтобы избежать лишних встреч и не идти в школу вместе с Шэн Ваном.

Вообще-то Шэн Ван и сам об этом думал: чистя зубы, он всё прикидывал, как бы так подгадать время, чтобы не столкнуться с Цзян Тянем по пути в лицей. Но когда тот действительно так поступил, на душе почему-то стало немного паршиво. За свои шестнадцать лет жизни он успел повидать всякого, и пусть из-за частых переездов близких друзей было немного, но отношения с окружающими всегда складывались отлично.

Цзян Тянь оказался первым, кто проявил к нему такую открытую неприязнь.

Пока он пребывал в задумчивости, телефон Цзян Тяня, лежавший на обувнице, несколько раз завибрировал. Тот выпрямился, взял телефон и взглянул на экран.

В этот момент на его лице промелькнула едва уловимая перемена: оно словно окаменело и одновременно выражало некоторую нерешительность.

Затем он быстро набрал что-то на экране и, надевая второй ботинок, не поднимая головы бросил:

— Цзи Хуаньюй перевел мне деньги, я перекинул их тебе.

Шэн Ван на секунду опешил, прежде чем понял, что слова Цзян Тяня были обращены к матери.

Рука Цзян Оу, накладывавшая кашу для Шэн Вана, замерла. Она подняла взгляд на настенные часы и удивленно спросила:

— Какое сегодня число? Он прислал деньги в шесть утра?

Цзян Тянь перестал обуваться. Шэн Ван заметил, как тот нахмурился, явно не желая обсуждать эту тему.

— Нет, я просто так сказала, — Цзян Оу, уловив недовольство сына, тут же исправилась. — Ты уже уходишь? Не подождешь Сяо Вана?

— Ага, дела, — не моргнув глазом соврал Цзян Тянь и, не оборачиваясь, вышел за дверь.

Из-за утренней гипогликемии соображал Шэн Ван туго, и в голове все еще крутилось имя «Цзи Хуаньюй». Почему-то оно показалось ему знакомым, словно он где-то его уже слышал.

Лишь когда он на автомате взял пиалу и обжег язык первой ложкой каши, его осенило. Давным-давно Шэн Миньян как-то обмолвился, что бывшего мужа Цзян Оу звали Цзи Хуаньюй.

Так это же... отец Цзян Тяня?

По словам Шэн Миньяна, Цзян Оу с бывшим мужем разошлись мирно: ни громких скандалов, ни публичных разборок. Сын был еще мал, но вел себя настолько рассудительно для своих лет, что даже не пытался их отговорить.

Так люди, прожившие вместе 13 лет, разошлись как в море корабли. Позже Цзи Хуаньюй уехал за границу открывать бизнес с друзьями, а Цзян Оу осталась с сыном. Больше их пути не пересекались.

Шэн Ван не знал всех тонкостей, но, по крайней мере, сейчас все выглядело так: Цзи Хуаньюй регулярно переводил сыну деньги, а Цзян Оу не держала на него зла — это уже можно было считать удачей на фоне прочих несчастий. Но судя по реакции Цзян Тяня, он своего отца недолюбливал. Даже... испытывал к нему отвращение?

Впрочем, какое дело до этого Шэн Вану? Поразмыслив об этом вскользь, он выбросил все из головы.

Он не хотел принимать расположение Цзян Оу, но и отталкивать того, кто к тебе с улыбкой, тоже не мог. Поэтому завтрак прошел в натянутой атмосфере и показался ему последней трапезой перед казнью.

Кое-как запихнув в себя кашу, он буркнул на прощание и выскочил за дверь.

Сяо Чэнь, как раз отвезший Шэн Миньяна, вовремя подобрал Шэн Вана. Устроившись на переднем сиденье, он с недоумением спросил:

— Брат Шэн велел мне отвезти вас обоих. А где Сяо Цзян?

— Давно сбежал, — Шэн Ван закатил глаза и поторопил. — Дядя, гони быстрее, мне еще нужно спасти свою жизнь — решить одну задачу.

Утренние занятия для второкурсников в лицее начинались в 7:00, но большинство учеников приходили минут за 20 до звонка. Кто-то дописывал домашку, кто-то сверял ответы.

В старой школе Шэн Ван всегда заходил в класс прямо со звонком, и сегодня впервые проявил такую прыть.

В классе стоял гвалт, как на базаре: никто не сидел на месте. Одни сбивались в кучки, другие лезли через парты за помощью, а самые наглые и вовсе слонялись с тестами по рядам, как на банкете, где блюда подают одно за другим.

Гао Тяньян, сидевший перед Шэн Ваном, как раз был одним из таких «баншетников», промышляя сейчас на самом дальнем ряду. Насчет того, кто сидел позади Шэн Вана, можно было и не вспоминать.

В общем, списать было не у кого.

Пока он, скомкав в руках листок с заданием, ломал голову над тем, что делать, позади него внезапно скрипнул стул Цзян Тяня. Затем высокая фигура поднялась и, проходя мимо, легонько стукнула пальцем по его парте: «тук».

«Чего ему надо?».

Шэн Ван опешил, а Цзян Тянь, даже не сбавив шага, обогнул первую парту и направился напрямиком в учительскую.

Только когда его силуэт скрылся в коридоре, Шэн Ван заметил на своей парте небольшой листок размером с ладонь, исписанный формулами и вычислениями.

После нескольких часов вчерашних мучений Шэн Ван с первого взгляда понял: это решение той самой последней задачи по физике.

Но, кроме этого, в самом низу листка был приписан худой и небрежный почерк: «В следующий раз, пожалуйста, не суй свой нос в чужие дела».

<http://bllate.org/book/17874/1707996>